

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА

В.Ю. Даренский

Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, г. Луганск
e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

В статье развивается авторская концепция культуры как антиадаптации. Рассмотрены основные подходы в концептуализации понятия культуротворчества; выделены парадоксы, возникающие при анализе его онтологических аспектов. Дана аксиоматика данного понятия и показана его эвристичность для философии культуры.

Ключевые слова: культуротворчество, онтология, самотрансцендирование, парадоксы, диалог.

Культура не может быть служанкой одного типа сознания или нескольких последних, «прогрессивных», как им мнится, поколений. Ее ландшафт, разнообразный и многомерный, вмещает разные типы жизнестроения, конкурирующие стратегии, множество альтернативных кодов, языков и практик.

А.С. Панарин [17, с. 182].

Термин «культуротворчество» появился в отечественном философско-культурологическом дискурсе в 1980-е годы, показал свою эвристичность и перешел из статуса полуметафоры в статус определенного теоретического понятия. Появление и разработка этого понятия были обусловлены объективной необходимостью теоретической фиксации закономерностей и внутренних «механизмов» воспроизведения культурных традиций в условиях глубинного кризиса культурной преемственности в эпоху Постмодерна. Стоит отметить плодотворную разработку этого понятия философами Украины в 1990–2000-х годах. Важную роль в обосновании и операционализации этого понятия сыграли работы харьковского культуролога В.Н. Леонтьевой, в частности, ее монография «Культуротворческий процесс: основания и начала» (2003) [14]. Интересную концепцию стадий «культуросозидания» в процессе духовно-практического освоения мира предложил Л.А. Солонько [20,

с. 27-83]. Н.В. Хамитовым обоснованы различия понятий «культуротворчество» и «жизнетворчество», соответствующие различным экзистенциальным интенциям человека [21, с. 79-80]. С. В. Пролеев исследовал феномен культуротворчества под углом зрения экзистенциального самоопределения человека, которое имманентно приобретает четко определенную культурную форму [18]. Понятие «культуротворчество» к настоящему времени распространено и в учебной литературе, что делает еще более актуальным специальный анализ его содержания.

В настоящее время понятие культуротворчества часто определяется весьма тривиальным способом, не «схватывающем» его сущностной специфики. Так, Т.В. Кузьмина определяет культуротворчество как «единство познавательной и преобразовательной деятельности личности, что проявляется в овладении уже имеющимися культурными смыслами, так и в выявлении новых культурных форм, ценностей, смыслов посредством интерпретации, трансформации и оценки» [12, с. 21]. Формально против такого определения нельзя возразить. Но, с другой стороны, если бы культуротворчество сводилось только к этому, то не было бы необходимости в самом этом понятии, ведь названные процессы целиком охватываются понятием «культурной традиции». Специфический момент творческого процесса в данном определении утрачен. Но каким образом можно конкретно анализировать именно этот момент? Культуротворческое усилие всегда возникает и развивается до своей определенной формы по модели «вызов-и-ответ» (А.Дж. Тойнби), который осуществляется как *неадаптивное усилие по созданию новых смыслов и форм жизнедеятельности* [7].

Историческими предпосылками возникновения проблемной ситуации, в рамках которой возникает потребность в понятии культуротворчества следует считать три важные тенденции в философии XX века, в которых акцентировался принцип активности человека относительно собственной культурной среды. Это, во-первых, исследование знаково-символических структур культуры (структурализм, семиотика, антропологическая концепция Е. Кассирера); во-вторых, исследование локальных цивилизаций, развивающихся циклично в зависимости от типа культурной активности (М. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Библер и др.); в-третьих, экзистенциализм,

который рассматривает все культурные феномены как производные от процессов внутреннего самоопределения человека. Проблематика, акцентирована в этих направлениях, органично входит в понятие культуротворчества, определяя различные содержательные аспекты последнего. Это понятие позволяет обобщенно рассмотреть феномен творчества – не в узком смысле индивидуального действия, локализованной в определенной области культуры, но как особую *тотальность самоопределения субъекта* (в том числе коллективного); с другой стороны, и сама культура трактуется в рамках этого понятия не как совокупность готовых форм, смыслов и ролей, а как открытый и стохастический процесс. Тем самым, понятие культуротворчества отражает фундаментальные изменения в бытийном статусе культуры как таковой – в частности, проблематизацию воспроизводства ее фундаментальных ценностей и традиционных форм, которая является характерным признаком эпохи Постмодерна.

Культуротворческое усилие в качестве акта *самоопределения субъекта* не может происходить исключительно в контексте неких безличных «объективных условий». Более того, сами по себе эти условия не могут определять это усилие до тех пор, пока не облекутся в личностную форму. Если рассматривать это усилие в рамках отношения «вызова-и-ответа», то *культуротворческое усилие как таковое является особой формой межличностного взаимодействия*. В этом смысле, как отмечает С.М. Гатальская, «Любая культура основывается на определенном сущностном акте духа, суть которого – первоначальная событие-встреча, совместное бытие, которое течет в событиях встречи *Я* и *Ты*, ответа *Я*, адресованной *Ты*, и в ответе *Ты*, адресованной *Я*. Этот сущностный акт, акт культурного творчества, подкрепляется усилиями грядущих поколений. Однако человек способен к культурному творчеству до тех пор, пока он сам находится во взаимоотношениях, когда он влияет и чувствует влияние» [5, с. 255]. В своем предметном выражении феномен творчества, как известно, не может ограничиваться только сферами «высокого» творчества – искусством, наукой, техникой, философией и т. д., но охватывает все жизненные проявления человека, поскольку они могут становиться сферами его самореализации. Как отмечал В.Л. Никифоров, «творчество – способ существования личности: только в творчестве осуществляется личность, и отсутствие творчества

означает отсутствие личности. Может, это сказано слишком сильно?.. Яркая личность проявляет себя во всем: в повседневных делах, в общении с другими людьми, в осанке, в речи, в манере вести себя. Вот эта повседневная жизнь и есть творчество – созидание неповторимой жизни. А если человек не оставил каких-то результатов, получивших признание общества, то это является случайностью, является результатом исторических обстоятельств» [16, с. 89]. Сказанное этим автором очевидно с чисто эмпирической точки зрения – действительно, более-менее известными и признанными всегда становится достаточно небольшая часть от общего количества творческих и талантливых людей. Кроме того, в целом творчество в «высоких» сферах культуры является лишь «верхушкой айсберга», под которой существует целое «море» творческих самопроявлений людей во всех видах деятельности, которые остаются просто частью их быта и, как правило, вообще не рассчитаны на специальное признание.

Определение природы культуротворчества В.Н. Леонтьевой, которая рассматривает ее как совокупность «адаптивных стратегий», по нашему мнению, является принципиально ошибочным и основано на подмене понятий, поскольку адаптация является как раз прямой противоположностью культуротворческого действия. Определение сущности культуротворчества, которые предлагает этот автор, являются следующими: 1) «осуществление специфически-человеческой способности к аффирмации культурных смыслов, то есть единственным средством поддержания бытия культуры и, одновременно, своего собственного “Я-культурному”» [30, с. 118]; 2) «устойчивая адаптивная стратегия» [29, с. 97]. Приведенные определения сводят культуротворчество к процессам адаптации, что, безусловно, является самой фундаментальной ошибкой. *Если бы культура была тождественна адаптации к среде, то человек навсегда остался бы в первобытном состоянии, навсегда «адаптировавшись» к нему.*

Впрочем, В.Н. Леонтьева справедливо указала на диалогическую природу этого феномена на уровне его внутренней структуры, которая, по ее концепции, имеет следующий вид: «а) усилие порождения / понимания смысла; б) усилия “аффирмо” как условие самоутверждения как соучастника диалога и в) то же самое усилие “аффирмо” – в плане самопреодоления собственных границ (самотрансцендирование)...

Попадание/погружение в поле интерсубъективного диалога как непосредственная предпосылка культуротворчества – это результат и свободно-волевого напряжения “здесь-и-теперь”, и предыдущей культурной деятельности как индивида, так и социума, то есть умение становиться соучастником культурного диалога – это своеобразный результат культуротворческих усилий, которые уже состоялись» [14, с. 53–54]. Впрочем, сущностно диалогический характер культуротворчества не сводится лишь к этому структурному моменту творческого действия, но и охватывает этот процесс в целом: «первоначально коммуникативный характер “среды” позволяет признать так же первоначальный интерсубъективный, диалогический характер культуротворчества, который с самого начала не просто “сопровождает” формирование социальности, но выступает такой его стороной, которая обращена к индивидуальному субъекту» [13, с. 97].

Тем самым, первоначальная структура культуротворчества, независимо от ее дальнейшего содержательного наполнения, заключается в актуализации межсубъектного взаимодействия по принципу «вызов-и-ответ». Понятно, что культуротворческим может быть только конструктивный ответ – то есть такой, который реально обогащает тезаурус культурных смыслов и форм их реализации, по крайней мере у одного из субъектов, вступивших в такое взаимодействие. Однако, может быть и обратное явление – деструктивный ответ, который в итоге только лишь примитивизирует этот тезаурус ради простого приспособления к новой ситуации. Именно этот ответ и является строго адаптивным в том специфическом значении этого слова, которое определяется как функционально противоположное культуротворчеству.

Во-первых, следует исходить из того, что в целом «регулятивные механизмы целесообразного поведения... можно разделить на адаптивные и творческие. Адаптация состоит в таком приспособлении к среде, когда организм меняется, а среда остается неизменным. Творчество предполагает активное изменение среды человеком. Вся ее жизнь состоит из процессов адаптации и творчества, которые взаимодействуют между собой» [19, с. 175]. Одно из различий состоит в том, что «адаптация действует на коротком расстоянии, в то время как в творческом процессе осуществляются значительные скачки» [19, с. 183]. На более фундаментальном уровне адаптивные стратегии деятельности следует

рассматривать только как некую вторичную функцию культурных инноваций, но никак не их изначальный мотив. Более, того сама *базовая специфика человеческого бытия принципиально неадаптивна*. Как отметил в свое время В.П. Иванов, «только человек усложняет свою жизнь “делами”, далекими от функций “поддержания жизни”... Только человеку доступно возлагать смысл собственной жизни как практически реализуемую перспективу, то есть подниматься над тем, что задано условиями бытия, и деятельно формировать их» [8, с. 74]. Именно «дела, далекие от функций поддержания жизни» и составляют сущность человеческой культуры.

Во-вторых, определение культуротворчества как «аффирмации» смыслов, которое заимствовано В.Н. Леонтьевой из концепции российского культуролога В.А. Конева, также требует уточнения. В.А. Конев определял «аффирмацию» смыслов «деятельность утверждения, благодаря которой есть культура»: *Affirmo ergo est* – «утверждаю, следовательно, есть» – «*Affirmo, ergo est*» [10, с. 8]. Тем самым, «именно благодаря такой черте культурного способности может быть разрешена задача “Буриданова осла”: если исходить только из объектных характеристик, задача является неразрешимой» [11, с. 129]. Экзистенциальный исток культуротворчества хорошо сформулирован Я.Э. Голосовкером: «радость культурного подвига – его активный героизм, особенно тогда, когда постигаешь, что эту радость приняли или чувствуют, что примут и почувствуют другие. Именно в этом “другие” для нас являются смыслом мирового понимания. Слово “другие”, которые нас понимают, выражает для нас нашу потребность в наличии понимания в космосе. Слово “другие” здесь замещает собой космос» [6, с. 163].

Понятие аффирмации предусматривает, во-первых, что смыслы, которые «утверждаются», каким-то образом уже существуют, а значит, это понятие как таковое еще не охватывает «средоточие» и глубину культуротворческого процесса – само возникновение смыслов. И для определения этого «средоточия» является уместным специальный термин *креация*. Во-вторых, оно не может охватывать целостный культуротворческий процесс и в структурном отношении, поскольку последний включает в себя, кроме утверждения-аффирмации, также и *негацию* других смыслов, и простую пассивную *акцепцию*, без активной

аффирмации. Тем самым, в логическом плане понятие аффирмации может быть применено только к отдельному, хотя и весьма важному, элементу и аспекту культуротворческого процесса, но не охватывает его в целом.

Стоит отметить и логические противоречия, которые возникают в понимании культуротворчества как совокупности «адаптивных стратегий» на «биологической основе». Общая идея о том, что культуротворчество возникло сначала как специфический способ адаптации человека как биологического существа к своей среде, попадает в логический круг: ведь культуротворчество как таковое а priori предполагает несводимость человеческого бытия к чисто биологическому существованию, наоборот, оно рассматривается как процесс, который формирует человека, а следовательно, оно должно предшествовать самому возникновению человека. Такой же логический круг возникает и при попытке отождествить культуротворчество с адаптивностью, с совокупностью «адаптивных стратегий». Ведь поскольку любая культурная инновация в первую очередь меняет «мир человека», а значит, проблематизирует, а иногда и просто разрушает устоявшиеся адаптивные стереотипы деятельности и сознания людей – то она становится именно причиной как раз дезадаптации. А затем культура уже требует новых адаптивных усилий уже как реакции на свое появление. Хотя часто сама адаптация требует нестандартного использования культурных достижений – однако она их не создает, а только ими пользуется. Тем самым, *понятия творчества и адаптации в функциональном отношении являются прямо противоположными*. Более того, очень часто адаптивная деятельность приобретает даже ярко выраженный *культурно-деструктивный характер*, заставляя человека отказываться от более сложных и содержательных видов культурной самореализации ради адаптации к тяжелым социальным условиям, то есть, ради простого *внекультурного выживания* [См. подробнее: 7].

Обзор названных противоречий позволяет сформулировать некоторые исходные принципы понимания феномена культуротворчества, учет которых позволяет корректно использовать это понятие в теоретическом аппарате философии культуры. Эти принципы таковы: 1) культуротворчество является совокупностью процессов, имеющих принципиально неадаптивный характер; 2) если

культуротворчество понимать как, прежде всего, «работу со смыслами» (поскольку смыслы является «субстанцией» сознания), то оно состоит из четырех процессов: креации, негации, акцепции и аффирмации смыслов; 3) понятие культуротворчества является противоположным понятию адаптации, но необходимость адаптации, в свою очередь, косвенным образом может быть «толчком» к культуротворчим усилиям. К этому стоит добавить, что процесс культуротворчества порождает исторический процесс в его главном содержании – не как совокупность «событий», а как процесс самопреобразования человека.

В этом смысле, акт культуры как акт трансцендирования ее наличного состояния совпадает с актом индивидуализации человека и выхода его за пределы любых «родовых» общностей. Как пишет Е.К. Быстрицкий «культура всегда трансцендирует свои самопонимание и самосознание, в какой бы форме завершения познавательного образа или мировоззренческого идеала они не выражались. Культура превосходит возможную сознание о себе именно в особых параметрах человеческого бытия. Точно так же... индивидуальность человека является своеобразным таким “родом” деятельного бытия, который как раз не совпадает с актами человеческого самосознания о себе, самосознания персоны. Поэтому проблема человеческой индивидуальности также выходит за пределы “разрешенных” возможностей гегелевской системы категорий. Личностное бытие вообще выходит за тематические пределы теоретического мышления, существующие закономерности природного и общественного миров – за пределы научной картины мира» [3, с. 161].

Культурно-историческим источником культуротворчества является и внутренний диалогизм между разными онтологическими и диахроническими «слоями» культуры. В этом контексте известный российский культуролог Г.С. Кнабе актуализировал аристотелевскую категорию *энтелехии* для анализа особых структур целостности культуры. Он писал: «В энтелехии осуществляется принцип диалога: более общее, исходное и как бы рассеянное начало обретает пластическую завершенность и самодостаточную, самостоятельную данность таким образом, что исходное начало в акте энтелехии не исчерпывается, оно продолжает действовать, и между ним и его воплощением устанавливается определенное двухголосность... с

энтелехией связана неполная проясненность, ускользание от логической ясности и четкой однозначности, что ставит восприятие этого феномена на грань аналитического познания и внутреннего переживания и придает диалогу между изначально всеобщим и воплощено конкретным особые черты... Она раскрывается, например, в так называемой “картине мира” – том образе, в котором видит мир каждая эпоха, во внутренней форме, что объединяет разнородные культурные представления определенного времени... Здесь не приходится говорить о четко проведенном разделении объективного бытия и познающего сознания» [9, с. 66]. Исходя из этого определения, можно рассматривать культуротворчество как воспроизводство «энтелехии культуры» в рамках мужсубъектных взаимодействий.

Таким образом, *общая онтология культуротворчества заключается в личностном воспроизведении объективных универсалий культуры, которые в пространстве индивидуального сознания выступают как смыслы целостной жизнедеятельности человека.* Такое личностное воспроизведение (через аффирмацию, акцепцию и негацию) имеет творческий характер даже и в том случае, если сознательно подчинено устоявшимся, каноническим формам, поскольку эти формы выражения всегда приобретают индивидуализированный характер. Отсюда возникает известный парадокс, который заключается в том, что *именно степень всеобщности формы, в которой сконцентрирован коллективный творческий опыт, определяет степень возможности выражения индивидуального опыта личности, для которого первый становится не просто «фоном», но тезаурусом собственных возможностей.* В этом смысле в культуре действует своеобразный закон «необходимости формы» (М.К. Мамардашвили), без которой невозможно индивидуальное творческое усилие. Соответственно, и наоборот, столь распространенное наивное стремление к «оригинальности» как самоцели с «железной» закономерностью приводит к творческой деградации личности и разрушению самой «субстанции» культуры.

Современный немецкий феноменолог Б. Вальденфельс очертил общую диалектику культуротворческого усилия по отношению к наличной культуре следующим образом: «выход за пределы уже имеющейся культуры можно помыслить и иначе, как в нормативной перспективе варварства и ума... (чистое бытие), или оглушение (дикое

бытие), которое не лежит позади нас в сером прошлом, а предстает перед нами как то, что следует еще сказать, помыслить, сделать вне всего того, что уже было сказано, помыслено, сделано. Здесь заявляет о себе радикальная форма чуждости, которая подрывает любой порядок... который не начинается от самого себя и не заканчивается на самом себе, а скорее заключается в тех требованиях и притязаниях, которые выходят за пределы существующего порядка. Культура, которая не отвечает этим требованиям, превращается в простую репродукцию, которая не исключает ее (культуры) вегетативного воспроизведения в течение еще длительного времени» [4, с. 25]. При этом можно также сказать, что *минимальное культуротворческое усилие может состоять лишь в интерпретации наличной культуры, поскольку это требует индивидуального творческого действия* («вечность развития культуры гарантируется вечной возможностью комментариев» [23, с. 30]).

В этом контексте становится понятным необходимое место рефлексии над наличной культурой, которая может протекать как в имманентной форме создания произведения, так и форме философской рефлексии, выполняющей незаменимую функцию рациональной фиксации, анализа и трансформации базовых смыслов, целей, императивов, ценностей и навыков воспроизводства культурной традиции. С другой стороны, культуротворческое усилие всегда также необходимо включает в себя и особое *экзистенциальное самоумаление*, борьба с собственным его, без которого была бы невозможной подлинная открытость смыслу. Феноменологию этого усилия сформулировал Г.И. Шалашенко: «творческая деятельность, несомненно, содержит в себе определенную суицидальную интенцию – мотив вынужденного самообмана, а мысль в словах лишь прячет горечь своего молчания, своей принципиальной немоту, так и сущность человека способна лишь “небытийствовать” в мире – все чрезвычайно богатый, утонченный мир человека словно призван лишь таить ее, скрывать в себе. Поскольку “свое” в идеале способно лишь к отчуждению, в мире человек способен только к невысказанности» [22, с. 132].

Процессы культуротворчества, независимо от их конкретно-исторической специфики, всегда представляют собой выделение индивидуальных образов универсального. Благодаря этому категория культуротворчества позволяет по-новому осмыслить природу одного из

важнейших сущностных признаков культуры, которая в формулировке Е.К. Быстрицкого выглядит так: «культура всегда трансцендирует свое самопонимание и самосознание, в какой бы форме завершено познавательного образа или совершенного мировоззренческого идеала они не выражались. Культура превосходит возможную сознание о себе именно в особых параметрах человеческого бытия. Точно также... индивидуальность человека является таким “родом” деятельного бытия, который как раз не совпадает с актами человеческого осознания о себе, самосознания персоны» [3, с. 161]. *«Бытие-в-культуре», тем самым, можно определить как такой модус человеческого бытия, в котором оно «не совпадает с самим собой», то есть содержательно прирастает новыми смыслами – и в этом отношении культура является особым «механизмом» трансцендирования самопонимания и самосознания как индивидуума, так и целой общности как целостных субъектов культуры.* Но это не что иное, как «механизм» самоотчуждения человека в положительном смысле этого слова – то есть отчуждения в смысле самоосвобождения человека от того в самом себе, что требует преодоления для самосовершенствования.

Исходя из этого, Е.К. Быстрицкий актуализировал понятие *подлинности* как общий критерий ценности и самореализации индивида в культуре: «понятие подлинности указывает на “этого” индивида, который требует признания своей особенности не только у себя и для себя, но и ради признания того, относительно чего он желает иметь аутентичность коллективную (этнической, национальной и т.п.) идентичности собственного культурного мира. То есть понятие аутентичности указывает на изначально присущую ей (подлинности) общественно-коллективную структуру: аутентичность изначально общественна, она является множественным бытием» [2, с. 50]. С другой стороны, такая онтология «локальности» не означает закрытость культур, но как раз наоборот, обеспечивает реальную возможность достижения совершенства человеческого бытия в любой из них. Как пишет Е.К. Быстрицкий, «есть нечто такое, благодаря чему, основываясь на собственной культурной традиции, каждый из нас может претендовать на сверхиндивидуальное совершенство, то есть на способность трансцендировать пределы своей субъективности... Вообще речь идет о том, способна ли локальная, то есть (этно)национальная культура,

определенная человеческая общность порождать универсально-человеческие ценности и значения, в том числе воспитывать своих представителей – людей культуры – как Человека... В терминологии Декарта речь идет о поисках совершенного бытия в пределах самой локальной культуры» [1, с. 95].

Краткий анализ поставленной проблемы позволяет обобщить его выводы следующим образом. 1) Операционализация понятия «культуротворчество» имеет эвристически продуктивный характер, особенно в условиях культурного и экзистенциального кризиса. 2) Культуротворчество является особой сферой воспроизводства небиологической, сверхиндивидуальной сущности человека и представляет собой актуализацию (креацию, негацию, акцепцию, аффирмацию) универсальных смыслов культуры в их индивидуально воплощенной форме. 3) Диалогическое взаимодействие субъектов культуры (индивидов и сообществ) является базовой структурой и «порождающей моделью» культуротворчества. 4) Онтологической основой культуротворчества как нового индивидуального «переоткрытия» Универсума смыслов является «Ты-отношение», диалектически сочетающее в себе признаки уникальности и всеобщности человеческого бытия.

Список литературы

1. Бистрицкий, Є. К. Культурно-історичне апріорі // Вимога раціональності: спадщина Рене Декарта у світі сучасної культури. – Київ: Стилос, 1996. С. 85-101.
2. Бистрицкий, Є. К. Метафізика суспільного, що сумірна людині // Концепція мультикультуралізму. – Київ: Стилос, 2005. С. 43-51.
3. Быстрицкий, Е.К. Феномен личности: мировоззрение, культура, бытие. – К.: Наукова думка, 1991. 200 с.
4. Вальденфельс, Б. Міркування щодо генеалогії культури // Філософська думка. 2009. № 1. С. 8-26.
5. Гатальська, С.М. Філософія культури. – К.: Либідь 2005. 328 с.
6. Голосовкер, Я.Э. Имагинативный абсолют. Ч.І. // Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. С. 114-163.
7. Даренский, В.Ю. Культура как антиадаптация (к нередукционистскому пониманию культуры) // Человек. 2018. № 2. С. 96-106.
8. Иванов, В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. – К.: Наукова думка, 1977. 252 с.
9. Кнабе, Г.С. Понятие энтелехии и история культуры // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 55-67.
10. Конев, В. А. Онтология культуры. – Самара: Изд. СГУ, 1998. 195 с.

11. Конев, В.А. Категориальная структура культуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1. С. 128-139.
12. Кузьмина, Н.В. Культуротворческая среда как фактор саморазвития педагогического коллектива образовательного учреждения. Дис. канд. пед. наук. Тобольск, 2002. 213 с.
13. Леонтьева, В.Н. Культуротворчество и адаптивные стратегии // Вестник национального технического университета «ХПИ». Серия «Философия». 2003. №2. С. 96-101.
14. Леонтьева, В.Н. Культуротворческий процесс: основания и начала. – Харьков: Консум, 2003. 216 с.
15. Леонтьева, В.Н. Новые информационные технологии и проблемы развития культуротворчества // Вестник национального технического университета «ХПИ». Серия «Философия». 2002. №5. С. 117-123.
16. Никифоров, А.Л. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. С. 87-105.
17. Панарин, А.С. О возможностях отечественной культуры // Новый мир. 1996. № 9. С. 180-189.
18. Пролєєв, С. Екзистенційна критика культури // Філософсько-антропологічні читання'98. – К.: Стилос, 1999. С. 97-116.
19. Роменець, В.А. Психологія творчості. – К.: Либідь, 2001. 288 с.
20. Солонько, Л.А. Практически-духовное освоение мира: онтологический аспект. – К.: Наукова думка, 1994. 188 с.
21. Хамитов, Н.В. Философия человека: поиск пределов. – К.: Наук. думка, 1997. 175 с.
22. Шалашенко, Г.І. Світ людини: проблемність чи проблематичність? Апологія людської неспроможності // Філософська антропологія: екзистенціальні проблеми. – К.: Педагогічна думка, 2000. С. 109-135.
23. Шульгин, Н.Н. Альтернативная герменевтика в диалоге культур // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 25-33.

ONTOLOGICAL PARADOXES OF CULTURAL CREATION

V.J. Darenskiy

Lugansk National University named after T. Shevchenko, Lugansk
e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

In the article the author develops the concept of culture as antiadaptation. The main approaches to the conceptualization of the concept of cultural creation are considered; the paradoxes arising in the analysis of its ontological aspects are highlighted. The article gives the axiomatics of this concept and shows its heuristic for the philosophy of culture.

Keywords: cultural creation, ontology, self-transcendence, paradoxes, dialogue.
